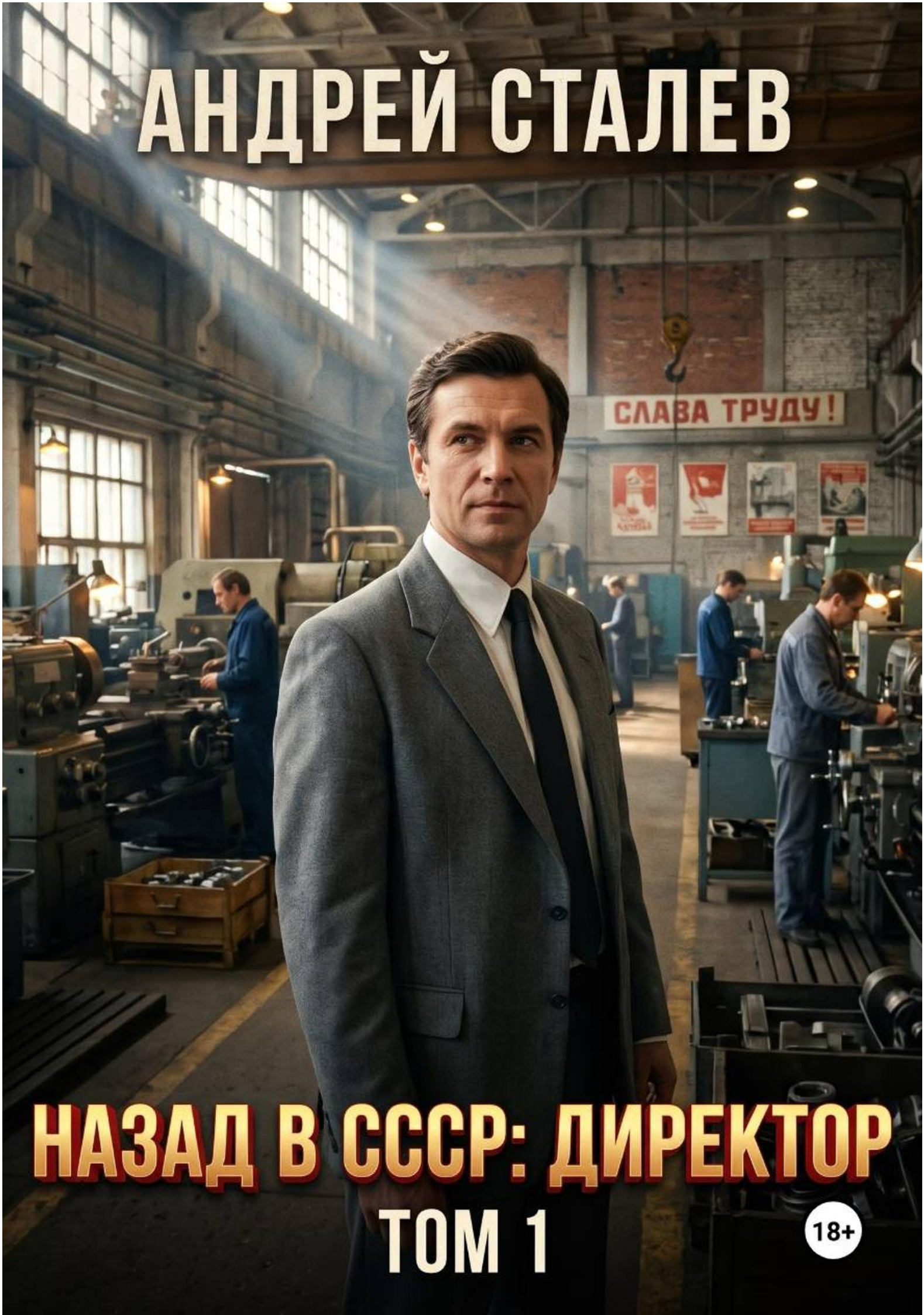

АНДРЕЙ СТАЛЕВ
СЛАВА ТРУДУ!
НАЗАД В СССР: ДИРЕКТОР
ТОМ 1
18+

Андрей Сталев

Назад в СССР: Директор. Том 1

«Автор»
2026

Сталев А.

Назад в СССР: Директор. Том 1 / А. Сталев — «Автор», 2026

Опытный кризис-менеджер из XXI века попадает в 1979 год и приходит в себя в кресле директора умирающего приборостроительного завода «Импульс». Картина плачевная: квартальный план горит, станки изношены, рабочие сидят без премий, а заместители привыкли решать свои вопросы за счет предприятия.Еще месяц такой работы — и молодого руководителя снимут с должности с волчьим билетом, а то и отдадут под суд. Но новый директор не привык сдаваться. Вооружившись современными методами управления, жесткой хваткой и знаниями о будущем, он начинает большую чистку. Ему предстоит остановить воровство, наладить снабжение в эпоху тотального дефицита, модернизировать производство и завоевать авторитет в коллективе.Старая гвардия и местные чиновники не собираются отдавать кормушку без боя. Но товарищ директор уже принял решение: этот завод станет лучшим в стране!

© Сталев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Чужое кресло 6
Глава 2. Свита играет короля 8
Глава 3. Выход в народ 11
Глава 4. Сборка и обед по-советски 14
Глава 5. Ночная засада 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Андрей Сталев
Назад в СССР: Директор. Том 1

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом в жанре альтернативной истории. Все персонажи, названия предприятий, модели приборов и описанные события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и историческими фактами случайны.

Книга отражает реалии и быт изображаемой эпохи исключительно в художественных целях. Упоминание табачных изделий и алкогольной продукции носит эпизодический характер и не является их пропагандой. Курение и чрезмерное употребление алкоголя вредят вашему здоровью.

Глава 1. Чужое кресло

Голова раскалывалась так, словно по ней всю ночь методично стучали кувалдой. Я попытался открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом. В нос ударил густой, непривычный запах: смесь дешевого табачного дыма, старой бумаги, пыли и чего-то кисловатого, похожего на выветрившийся перегар.

— Андрей Николаевич, вы живы?

Голос был женским, встревоженным, но с отчетливыми нотками привычного раздражения. Меня осторожно потрясли за плечо.

Я с трудом разлепил глаза и уставился на женщину лет сорока пяти в строгом темно-синем костюме, с высокой, налаченной прической «хала» на голове. Она стояла надо мной, держа в руках граненый стакан с водой.

— Пейте, Андрей Николаевич, — вздохнула она, протягивая стакан. — Опять вчера с главком в «Орбите» сидели? Через десять минут планерка, главбух уже два раза заходила, ведомости подписывать надо, а у вас в кабинете хоть топор вешай.

Я машинально взял стакан. Рука была не моя. Крупная, с мозолями на ладони, в манжете дешевой нейлоновой рубашки и сером пиджаке грубоватого кроя. Вода оказалась теплой и отдавала хлоркой, но жажду сбила.

— Спасибо... — сипло выдавил я, пытаясь сфокусировать взгляд на окружающем пространстве.

Никакого привычного офиса в Москва-Сити с панорамными окнами и тремя мониторами на столе не было и в помине. Я сидел в продавленном дерматиновом кресле за массивным, покрытым темным лаком двухтумбовым столом. На зеленом сукне лежали перекидной календарь, тяжелый черный дисковый телефон, стопка папок с завязками и стеклянная пепельница, доверху набитая окурками. На стене напротив висел портрет Леонида Ильича Брежнева в золоченой раме.

Внутри похолодело. Последнее, что я помнил — ночной перелет из Екатеринбурга после закрытия тяжелейшего проекта по реструктуризации убыточного машиностроительного холдинга, турбулентность, резкий удар и ослепительную вспышку в иллюминаторе.

— Идите, я сейчас, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Дайте мне пять минут. И форточку откройте, пожалуйста.

Женщина поджала губы, молча подошла к высокому деревянному окну, со скрипом распахнула фрамугу и вышла, плотно притворив за собой обитую дерматином дверь. В кабинет ворвался свежий весенний воздух, пахнущий влажной землей и тополями.

Я подорвался с кресла. Тело отозвалось тяжестью, но двигалось уверенно — молодое, крепкое, лет тридцати с небольшим, хоть и подпорченное явно нездоровым образом жизни. В углу у вешалки висело небольшое зеркало. Я шагнул к нему и замер.

На меня смотрел незнакомый мужчина с правильными, резкими чертами лица, густыми темно-русыми волосами, впалыми щеками и темными кругами под глазами. Крепкая шея, прямой нос, упрямый подбородок. Лицо человека, который мог бы свернуть горы, если бы не пытался утопить свои проблемы в стакане.

Я вернулся к столу и первым делом посмотрел на перекидной календарь.**14 мая 1979 года. Понедельник.**

Семьдесят девятый. Эпоха развитого социализма, застоя, дефицита и всеобщей уверенности в том, что так будет вечно. До развала страны оставалось двенадцать лет.

Вместе с осознанием реальности в голове начали всплывать чужие воспоминания — словно кто-то загрузил в память тяжелый архив и он теперь медленно распаковывался.

Андрей Николаевич Ковалев. Тридцать четыре года. Образование — политехнический институт, инженер-механик. Должность — директор приборостроительного завода «Импульс» в областном центре. Назначен полгода назад по протекции дальнего родственника из министерства, который таким образом решил спихнуть перспективного, но неудобного племянника на заведомо провальный участок.

Я открыл верхний ящик стола. Там лежали красная книжечка удостоверения директора, партийный билет, связка ключей и пачка «Столичных». Я взял удостоверение, пробежал глазами строчки. Все сходилось.

«Ну что ж, Артем, — сказал я сам себе, глядя на черную трубку дискового телефона. — Вытаскивал из болота частные заводы в двадцать первом веке — попробуй теперь вытащить советский в семидесятых. Здесь нет налоговой и кредиторов, зато есть план, горком, ОБХСС и полная безнадега».

Я потянулся к папке, лежащей сверху стопки. На картонной обложке химическим карандашом было выведено: *«Сводка по выполнению плана за апрель 1979 г.»*.

Я раскрыл ее и присвистнул. Цифры кричали о катастрофе. Выполнение плана по основной продукции — шестьдесят четыре процента. Брак по сборочному цеху — восемнадцать процентов. Сорваны поставки комплектующих на два смежных предприятия. На складе готовой продукции скопился неликвид, который не принимает ОТК, а в фонде заработной платы — дыра, из-за которой рабочие уже второй месяц сидят без премий.

Неудивительно, что прошлый хозяин этого тела начал заливать тоску коньяком в ресторане «Орбита». Еще месяц такой работы — и Ковалева снимут с должности с волчьим билетом, а то и отдадут под суд за срыв государственного задания.

Дверь кабинета приоткрылась, и в щель просунулась голова секретарши:— Андрей Николаевич, все собрались. Главный инженер спрашивает, начинать без вас или подождать?

Я закрыл папку, расправил плечи и почувствовал знакомый, холодный азарт кризис-менеджера, который только что зашел на убитый объект. Никакой паники. Только аудит, жесткая дисциплина и холодный расчет.

— Приглашайте всех, Лидия Ивановна, — спокойно ответил я, садясь в директорское кресло. — И принесите мне, пожалуйста, крепкого чаю. Без сахара. Начинаем работать.

Глава 2. Свита играет короля

Первыми в кабинет вошли трое. Дверь открылась широко, без стука — люди явно привыкли, что директор здесь фигура номинальная, а реальные дела решаются без его участия.

Впереди шел грузный мужчина лет шестидесяти с одутловатым лицом и седым ежиком волос. На лацкане его коричневого пиджака поблескивал значок почетного работника отрасли. За ним семенил сухопарый, юркий тип с бегающими глазками и тщательно прилизанными висками, а замыкал процессию невысокий плотный мужик с тяжелым, недоверчивым взглядом.

— Доброе утро, Андрей Николаевич, — прогудел грузный, не дожидаясь приглашения, плюхаясь в кресло у приставного столика. — Ну и гульнули вы вчера с москвичами. Уважаю. Но дело не ждет.

Из всплывших в голове воспоминаний прежнего Ковалева я мгновенно идентифицировал всех троих. Грузный — Петр Семенович Крылов, главный инженер. Человек старой закалки, который когда-то строил этот завод, но последние лет пять просто досиживал до пенсии, боясь любых перемен как огня. Юркий — Борис Аркадьевич Филатов, заместитель по снабжению и сбыту. Хитрый жук, держащий в кулаке все дефицитные позиции. Третий — Степан Иванович Морозов, секретарь парткома. Осторожный бюрократ, для которого главное — чтобы в отчетах все было гладко и из горкома не звонили.

Следом в кабинет вошли еще двое: пожилая женщина в очках с толстыми линзами — главный бухгалтер Нина Васильевна, и молодой, лет двадцати восьми, парень в потертом свитере — начальник сборочного цеха Сергей Волков. Единственный, кто сел с краю стола, держа на коленях потрепанный блокнот.

— Начнем, товарищи, — сказал я, обводя собравшихся внимательным взглядом.

Секретарша Лидия Ивановна бесшумно поставила передо мной стакан в мельхиоровом подстаканнике и вышла. Я сделал глоток горячего, терпкого чая и положил ладони на папку с апрельской сводкой.

— Я с утра изучил итоги прошлого месяца, — начал я негромко, но так, что в кабинете сразу стало тихо. — Картина, прямо скажем, паршивая. Выполнение плана — шестьдесят четыре процента. Брак на сборке зашкаливает. Премий коллектив не видел с февраля. Хочу услышать, почему мы катимся в яму и что каждый из вас предлагает делать.

В кабинете повисла неловкая пауза. Крылов крякнул, переглянулся с Филатовым и развел руками:— Андрей Николаевич, ну что вы как первый день замужем. Смежники подводят. Подшипников нужного класса точности нет, кабель не завезли вовремя, станки в механическом цехе изношены на семьдесят процентов. Вы же сами вчера с представителем главка этот вопрос обсуждали. Обещали нам фонды скорректировать в сторону уменьшения, чтобы квартал закрыть.

— Забудьте про корректировку плана, Петр Семенович, — отрезал я. — Никто нам план снижать не будет. А если и снизят, нам от этого легче не станет — завод так и останется в отстающих. Мне не нужны отговорки про смежников. Мне нужно знать, почему у нас восемнадцать процентов брака на сборке.

Главный инженер нахмурился. Тон молодого директора ему явно не понравился.— Люди у нас такие, Андрей Николаевич. Текучка страшная. Молодежь бежит, остаются одни пьяницы да пенсионеры. На кого прикажете опираться?

— На тех, кто хочет работать, — ответил я и повернулся к Филатову. — Борис Аркадьевич, что у нас с комплектующими? Почему сборочный цех три дня в неделю курит бамбук?

Снабженец мгновенно изобразил на лице вселенскую скорбь:— Ох, Андрей Николаевич, вы же знаете, какой сейчас дефицит! Письма в министерство пишем каждую неделю, телеграммы шлем. Поставщики сами сидят без металла. Я, конечно, кручусь как могу, но выше головы не прыгнешь.

Я внимательно посмотрел на его холеное лицо, на золотую печатку на пальце и импортные часы «Сейко», мелькнувшие из-под манжеты сорочки. В 1979 году такие часы на зарплату замдиректора провинциального завода не купишь. «Крутится» Борис Аркадьевич явно в первую очередь в свой карман.

— Значит, крутитесь плохо, — сухо сказал я. — Сегодня к пяти часам вечера жду у себя на столе полный реестр всех неликвидов на наших складах. До последнего винтика. А заодно список всех наших должников и смежников с телефонами. Будем решать вопросы напрямую.

Филатов моргнул, его бегающие глазки на секунду остановились на мне с неприкрытым удивлением, но он тут же натянул дежурную улыбку:— Сделаем, Андрей Николаевич. Но на складах там один хлам...

— Я сам разберусь, где хлам, а где ресурс. — Я перевел взгляд на начальника сборочного цеха. — Сергей, ты почему молчишь? У тебя в цехе каждый пятый прибор в брак уходит. В чем реальная причина?

Волков вздрогнул, покраснел и покосился на главного инженера. Крылов предостерегающе кашлянул, но парень, видимо, дошел до точки кипения.— Оснастка разбита, Андрей Николаевич, — глухо сказал он, глядя в стол. — Регулировочные стенды еще с шестидесятых годов стоят, врут безбожно. И детали из механического цеха идут с допусками в три лаптя. Мои слесари половину смены напильником их доводят, вместо того чтобы собирать. Я Петру Семеновичу три рапорта писал...

— Волков, ты мне тут демагогию не разводи! — рявкнул Крылов, багровея. — Не умеешь с людьми работать — нечего на станки пенять!

— Спокойно, Петр Семенович, — остановил я главного инженера, подняв ладонь. — Криком стенды не починишь. А за рапорты, Сергей, спасибо. После планерки пойдешь со мной в цех, покажешь все на месте.

Парторг Морозов, до этого молчавший, откашлялся и подал голос:— Андрей Николаевич, я поддерживаю вашу требовательность. Но не слишком ли резко мы берем с места в карьер? В пятницу бюро горкома, нам бы сейчас тихонько показатели подтянуть, без лишнего шума...

— Тихонько мы уже подтянули до шестидесяти четырех процентов, Степан Иванович, — усмехнулся я. — Если будем продолжать в том же духе, в пятницу на бюро горкома с нас с вами партбилеты на стол положат. Поэтому тихо не будет.

Я обвел взглядом притихший кабинет. Старая гвардия смотрела на меня с недоумением и глухим раздражением. Они привыкли к мягкому, вечно похмельному Ковалеву, из которого можно было вить веревки. Теперь перед ними сидел другой человек.

— На сегодня задачи такие, — подытожил я. — Нина Васильевна, после обеда жду вас с расчетами по фонду материального поощрения. Будем искать резервы для премирования рабочих за реальную выработку без брака. Борис Аркадьевич — складские ведомости к пяти. Петр Семенович — в десять утра жду вас у входа в механический цех. Идем смотреть, почему у нас детали с допусками в три лаптя выходят. Все свободны.

Когда дверь за замами закрылась, я выдохнул и посмотрел на остывший чай. Первый раунд остался за мной. Свита поняла, что король сменился. Но я отлично знал по опыту: просто так кормушку эти люди не отдадут. Настоящая война за завод только начиналась.

Глава 3. Выход в народ

Ровно без пяти десять я вышел из заводоуправления на заводской двор. Весеннее солнце уже припекало по-настоящему, но территория «Импульса» производила гнетущее впечатление.

Асфальт между корпусами пошел трещинами и вздулся буграми, кое-где прямо сквозь него пробивалась молодая трава. У стены ближайшего склада громоздились ржавые остовы каких-то старых станин, покосившиеся деревянные ящики и бухты спутавшегося кабеля. Запах здесь стоял характерный: смесь разогретого мазута, металлической стружки и цветущей неподалеку сирени.

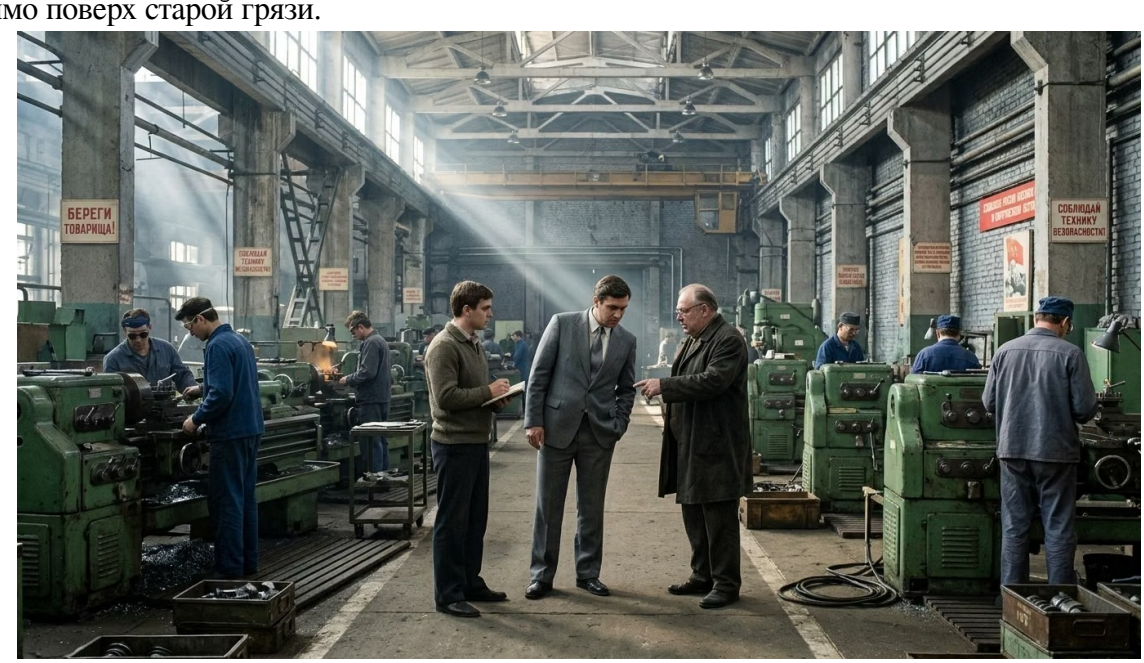
У массивных железных дверей механического цеха уже топтался главный инженер Крылов. Рядом с ним стоял молодой начальник сборочного цеха Сергей Волков, нервно теребивший в руках записную книжку.

— Точность — вежливость королей, Андрей Николаевич, — буркнул Крылов, глянув на наручные часы. — Пойдемте, посмотрите, раз уж приспичило. Только предупреждаю сразу: люди у нас простые, в выражениях не стесняются.

— Ничего, Петр Семенович, я не из института благородных девиц, — спокойно ответил я и потянул на себя тяжелую створку двери.

Мы шагнули внутрь, и на меня тут же обрушился густой, плотный гул. Скрежет резцов, мерный стук прессов, визг сверлильных станков и характерный сизоватый дымок от горелой эмульсии.

Огромный пролет механического цеха тянулся метров на сто в длину. Под высоким стеклянным потолком, давно не мытым и покрытым слоем копоти, медленно ползла мостовая кран-балка. Вдоль прохода в два ряда стояли токарные и фрезерные станки — старые «дипы» и модели шестидесятых годов, облупленные, местами перемазанные свежей зеленой краской прямо поверх старой грязи.

Я медленно пошел по центральной дорожке, глядя по сторонам с привычной внимательностью производственного аудитора. И чем дальше мы шли, тем сильнее сжимались у меня челюсти.

Около трети станков вообще стояли мертвым грузом — некоторые были накрыты грязным брезентом, с других и вовсе сняли электродвигатели или суппорты. Около работающих машин валялись горы невывезенной стружки, проходы были завалены ящиками с заготовками так, что электрокар едва протискивался, рискуя зацепить рабочих.

— Почему половина парка стоит, Петр Семенович? — спросил я, перекрывая шум цеха.

Крылов привычно махнул рукой:— Запчастей нет, Андрей Николаевич! Подшипники шпиндельные с зимы ждем, шестерни на коробки подач износились. Ремонтная служба не справляется, слесарей-ремонтников всего четверо на весь завод осталось — все на автозавод сбежали, там на двадцать рублей больше платят.

Я кивнул, делая мысленную пометку, и свернул в сторону небольшого закутка, отгороженного фанерными щитами. Оттуда доносился громкий смех и характерный стук костяшек домино по деревянному столу.

Крылов дернулся было меня остановить, но не успел. Я обогнул фанерную перегородку.

За грубо сколоченным столом, прямо в рабочее время, четверо мужиков в замасленных спецовках азартно резались в «козла». Рядом стояли граненые стаканы с мутным чаем и начатая пачка «Беломора».

Первым меня заметил пожилой токарь с густыми седыми усами и сизым носом. Он замер с костяшкой в руке, медленно перевел взгляд с моего строгого костюма на главного инженера и криво ухмыльнулся.

— О, начальство пожаловало, — негромко протянул он, даже не подумав встать. — Никак сам товарищ директор нас почтить решил? Проходите, Андрей Николаевич, четвертым будете. У нас все равно заготовок нет, с утра курим.

Остальные трое обернулись. В их взглядах не было ни страха, ни смущения — только глухая, въевшаяся годами усталость и циничное безразличие. Они привыкли, что план все равно завалят, премий не будет, а уволить их некому — работать на этих развалюхах больше некому.

— Я так понимаю, бригадир здесь вы? — спокойно спросил я, глядя прямо в глаза седоусому.

— Допустим, я. Игнат Петрович. Токарь шестого разряда, — с вызовом ответил тот, демонстративно кладя костяшку на стол. — А в чем, собственно, дело, товарищ директор? Заготовки из заготовительного не подвезли, резцы тупые, затачивать нечем. Нам что, зубами металл грызть?

— Зубами не надо, Игнат Петрович, — ровно сказал я. — Но и домино в десять утра на моем заводе не будет. Как фамилия мастера участка?

— Я мастер, — вперед шагнул худощавый мужчина лет сорока с виноватым лицом. — Степанов. Андрей Николаевич, ну правда, латунный пруток со склада не отпустили, накладная у Бориса Аркадьевича на подписи со вчерашнего дня лежит...

Я перевел взгляд на Крылова. Главный инженер отвел глаза и начал сосредоточенно разглядывать потолок. Схема была прозрачной до безобразия: снабженец Филатов специально придерживал металл, чтобы потом «героически» выбить его в конце месяца, получить свою премию или толкнуть дефицит налево, а рабочие тем временем разлагались от безделья.

— Значит так, — сказал я, повышая голос так, что слышали и у соседних станков. — Запомните все, кто здесь стоит. С сегодняшнего дня на заводе «Импульс» лафа закончилась. Через двадцать минут металл будет у вас на участке. Лично проконтролирую. Но если я еще хоть раз увижу в цеху домино, карты или пьяную рожу в рабочую смену — вылетите за ворота в тот же день по статье, невзирая на шестой разряд и стаж. А вам, товарищ Степанов, первый выговор с занесением, если через полчаса станки не загудят. Все ясно?

Седоусый Игнат Петрович прищурился, смерил меня тяжелым, оценивающим взглядом, но промолчал и медленно поднялся из-за стола.

— Посмотрим, как металл привезут, — буркнул он себе под нос. — Обещать-то у нас все мастера...

Я ничего не ответил, развернулся и пошел дальше, к переходу в сборочный цех. Внутри кипела холодная злость, но голова работала четко. Эти мужики не были лентяями по природе — система сама приучила их к бардаку. И чтобы сломать это болото, нужно было бить сразу по двум направлениям: наводить железную дисциплину и немедленно решать бытовые и организационные проблемы.

— Сергей, веди на сборку, — бросил я Волкову. — Покажешь мне ваши знаменитые стенды шестидесятых годов. А заодно заглянем в столовую. Пора посмотреть, чем у нас людей кормят.

Глава 4. Сборка и обед по-советски

Переход из механического цеха в сборочный вел через длинный, гулкий коридор с облупившейся синей краской на стенах. Главный инженер Крылов шел чуть сзади, тяжело сопя и явно недовольный тем, что молодой директор так резво взял с места в карьер. Начальник сборки Сергей Волков, наоборот, шагал впереди с загоревшимися глазами — парень впервые за долгое время почувствовал, что его наконец-то услышали.

— Вот здесь у нас участок регулировки и настройки, Андрей Николаевич, — Сергей распахнул двустворчатые двери, обитые жестью.

В сборочном цеху было тише, чем у токарей, но воздух здесь пах канифолью, горячим припоем и кислотой. Вдоль длинных, покрытых линолеумом столов сидели в основном женщины в синих сатиновых халатах и белых косынках. Они паяли платы, скручивали жгуты проводов и собирали корпуса контрольно-измерительных приборов.

Я подошел к крайнему столу. Пожилая монтажница в очках на кончике носа даже не подняла головы, продолжая орудовать массивным паяльником с толстым медным жалом. Рядом с ней лежала горка криво отлитых пластиковых корпусов, которые не сходились по пазам.

— Как идет работа? — негромко спросил я, останавливаясь рядом.

Женщина вздрогнула, подняла глаза и, увидев незнакомого мужчину в строгом костюме рядом с главным инженером, растерялась:— Да как идет, товарищ директор... Мучаемся. Корпуса из прессового цеха кривые идут, заусенцы с палец. Пока ножом подрежешь, пока подгонишь — полсмены пройдет. А норму выработки никто не отменял. Вот и сидим без премии.

Я взял один корпус в руки. Пластик был дешевый, хрупкий, с явным облоем по краям — пресс-формы в заготовительном цехе явно не ремонтировали со времен Хрущева.

— А стенды? — повернулся я к Волкову. — Показывай, о чем на планерке говорил.

Сергей подвел меня к ряду громоздких металлических стоек, утыканных стрелочными вольтметрами, тумблерами и пучками оголенных проводов на «крокодилах».

— Вот, Андрей Николаевич, — парень ткнул пальцем в циферблат одного из приборов. — Пять раз подряд прогоняем эталонный блок — и каждый раз он показывает разное напряжение. Контакты окислились, реостаты стерты в ноль. В итоге мы отправляем партию на склад, а ОТК ее заворачивает обратно. Вот и весь наш брак.

Крылов, стоявший в паре шагов, раздраженно дернул щекой:— Волков, ты мне сказки не рассказывай! Заявку на новые стенды мы в главк еще в прошлом году подали. Фонды не выделили. Что я тебе, из воздуха их рожу?

— Из воздуха не надо, Петр Семенович, — спокойно ответил я, осматривая начинку стойки. — У нас в КБ пятнадцать инженеров сидят, штаны протирают. Неужели они не могут за неделю спаять нормальные цифровые делители и заменить эти реостаты? Завтра с утра собираем конструкторов, даем техзадание. А пресс-формы для корпусов в инструментальном участке подправить — дело двух дней для хорошего слесаря.

Главный инженер открыл было рот, чтобы возразить, но осекся, наткнувшись на мой тяжелый взгляд. Спорить при рабочих он не решился.

В этот момент над цехом протяжно завыл ревун, возвещая обеденный перерыв. Монтажницы тут же отложили паяльники и потянулись к выходу.

— Отлично, — сказал я, глядя на часы. — Половина первого. Самое время посмотреть, чем кормит наш заводской общепит. Петр Семенович, Сергей, идемте обедать.

Крылов заметно побледнел:— Андрей Николаевич, да зачем вам эта толкучка? У нас в заводоуправлении буфет есть, там для руководства всегда свежие котлеты и салат...

— Буфет подождет, — отрезал я. — Хочу попробовать то, что едят люди, которые мне план делают.

Заводская столовая располагалась в одноэтажной пристройке и встретила нас густым, сбивающим с ног запахом пригоревшего комбижира, вареной капусты и хлорки. Очередь с алюминиевыми подносами тянулась вдоль грязноватой раздачи. За стеклом прилавка стояли мутные стаканы с компотом, серые комки слипшихся макарон и какие-то подозрительно плоские котлеты.

Я взял липкий от плохо помытой тряпки поднос, поставил на него тарелку рассольника, в котором одиноко плавали две перловины и кусок картошки, и порцию тех самых серых макарон с котлетой. Расплатившись на кассе мелочью, я сел за свободный столик. Крылов и Волков пристроились рядом, стараясь не смотреть мне в глаза.

Я отломил кусок котлеты вилкой. Она была твердой, как подошва, и состояла, судя по вкусу и цвету, процентов на восемьдесят из черного хлеба и лука. На вкус это было откровенное свинство.

Не говоря ни слова, я встал, взял тарелку с недоеденной котлетой и направился прямиком к двери с табличкой «Директор столовой».

Не постучав, я толкнул дверь. За небольшим столом, заставленным тарелками с дымящимся отбивным мясом, свежими огурцами и банкой растворимого кофе, сидели две женщины — дородная блондинка с золотыми зубами в белом халате поверх цветастого платья и ее худая помощница. При виде меня блондинка поперхнулась, пытаясь прикрыть тарелку с отбивной полотенцем.

— Вы, надо полагать, Клавдия Степановна? — тихо спросил я, ставя перед ней на стол тарелку с серой котлетой и слипшимися макаронами.

— Я... А вы кто такой?! Сюда посторонним нельзя! — взвизгнула она, но тут же осеклась, увидев за моей спиной главного инженера.

— Я новый директор завода, Ковалев, — ровно произнес я, опираясь руками о край ее стола. — А это — то, чем вы кормите людей, которые стоят у станков по восемь часов. Куда делось мясо, выделенное по фондам на май, Клавдия Степановна? В сумках вечером через проходную ушло?

— Да как вы смеете?! У нас продукты такие привозят! — пошла в атаку заведующая, багровея. — Я в райпищеторг жаловаться буду! Меня здесь весь горком знает!

— Вот в горкоме и расскажете, куда говядина первой категории девается, — холодно усмехнулся я. — Даю вам ровно два часа, чтобы сдать ключи от склада и кассы. С сегодняшнего

дня вы здесь больше не работаете. Будете упираться — вызову ОБХСС прямо сейчас, пока ваши отбивные не остыли.

Заведующая схватилась за сердце и плюхнулась на стул. Я развернулся и вышел из подсобки, оставив ее хватать воздух ртом.

Выходя из столовой на свежий воздух, я поймал на себе десятки удивленных, пристальных взглядов рабочих. Слух по заводу разносился быстрее электричества. Первый шаг был сделан, но я понимал: главная гниль сидит не на кухне. Сегодня ночью нужно было брать с поличным тех, кто выносит с завода дефицитный металл и приборы.

Глава 5. Ночная засада

После обеда в заводоуправлении стояла звенящая, настороженная тишина. Новость о том, что молодой директор за пять минут вышвырнул из столовой всесильную Клавдию Степановну, у которой «в горкоме всё схвачено», облетела корпуса быстрее заводского гудка.

Секретарша Лидия Ивановна теперь заходила в кабинет строго по стуку, старательно отводя глаза, а главный бухгалтер Нина Васильевна принесла штатное расписание и расчеты по фонду поощрения на полчаса раньше назначенного срока.

Ровно в пять вечера на пороге нарисовался зам по снабжению Филатов. В руках он держал тонкую картонную папку.

— Вот, Андрей Николаевич, как просили, — заискивающе улыбнулся он, кладя папку на зеленое сукно. — Сводка по неликвидам. Честно скажу, слезы одни: старые резисторы, некондиционный прокат да списанные корпуса. И список смежников приложил.

Я бегло пролистал бумаги. Все выглядело прилично и гладко — слишком гладко для завода, на котором три месяца не могут собрать нормальную партию приборов.

— Спасибо, Борис Аркадьевич. Свободны на сегодня, — сухо кивнул я.

Когда за снабженцем закрылась дверь, я откинулся на спинку кресла и посмотрел на часы. Половина шестого. Основная смена уже потянулась через проходную домой.

Настоящий аудит начинается тогда, когда гаснет свет в кабинетах. В прошлой жизни я не раз ловил за руку вороватых топ-менеджеров именно по ночам: когда люди уверены, что начальство спит, они теряют осторожность.

Досидев в кабинете до десяти вечера и перечитав заодно технические паспорта выпускаемых заводом вольтметров и блоков питания, я тихо вышел из административного корпуса. На заводской двор уже опустились майские сумерки. В окнах цехов горели только дежурные лампы, отбрасывая на потрескавшийся асфальт длинные желтые полосы.

Я обошел склад готовой продукции с тыльной стороны и укрылся в тени штабеля старых деревянных ящиков, откуда отлично просматривались и ворота склада, и боковая калитка, ведущая к техническим воротам проходной.

Ждать пришлось почти два часа. Ночной ветерок пробирал до костей, но азарт охотника грел лучше любого тулупа.

Ровно в полночь со стороны проходной раздалось приглушенное тарахтение мотора. Из-за угла вывернул старенький бортовой «ГАЗ-51» с выключенными фарами. Машина мягко подкатила к боковым дверям склада комплектующих и замерла.

Из кабины выпрыгнул человек в фуражке военизированной охраны. Я прищурился и без труда узнал Игната Семеновича Дронова — начальника заводской охраны, отставного прапорщика с одутловатым, вечно красным лицом. Следом из кузова спрыгнули двое грузчиков в темных ватниках.

Дверь склада тихо скрипнула — ее открыли изнутри. На пороге показался кладовщик.

— Давай, мужики, шустрее, — вполголоса скомандовал Дронов, оглядываясь по сторонам. — Борис Аркадьевич сказал, до двух ночи надо на базу в область скинуть. Грузим бухты медного провода, те восемь ящиков с импортными конденсаторами и две коробки готовых блоков. По накладным они у нас как списанный брак пройдут.

Кладовщик и грузчики споро затаскали тяжелые деревянные ящики в кузов. Дронов стоял рядом, нервно поглядывая на часы и прикуривая папиросу.

Я усмехнулся в темноте. Вот и ответ на вопрос, почему сборочный цех сидит без деталей, а в отчетах числится восемнадцать процентов брака. Все, что не проходило ОТК на бумаге, в отличном состоянии уезжало налево через проходную под прикрытием собственной охраны.

Когда последний ящик лег в кузов и грузчики начали натягивать брезент, я вышел из-за штабелей и негромко, но отчетливо произнес:— Бог в помощь, товарищи. На ночную смену вышли?

Эффект превзошел все ожидания. Один из грузчиков выронил край брезента и едва не сел мимо борта. Кладовщик в дверях склада побледнел как полотно и попятился назад в темноту.

Начальник охраны Дронов дернулся, словно от удара током, выронил папиросу и уставился на меня выпученными глазами.— Андрей Николаевич?! Вы... вы чего здесь?!

— Да вот, бессонница замучила, Игнат Семенович, — ровно ответил я, подходя ближе и глядя на открытый борт грузовика. — Решил проверить, как вы народное добро бережете. Вижу, бережете на совесть. Особенно медный провод и конденсаторы.

Дронов быстро пришел в себя. Лицо его налилось дурной кровью, он шагнул вперед, пытаясь загородить собой кузов, и понизил голос до хриплого шипения:— Слушай, директор... Ты парень молодой, жить-то всем хочется. Мы же не для себя одного стараемся. Тут люди серьезные завязаны. Давай разойдемся по-хорошему? Завтра же твоя доля у тебя в сейфе лежать будет — тремя месячными окладами. А мы просто уедем, будто ты нас и не видел.

— Три оклада, значит? — тихо переспросил я. — Щедро. Только вот незадача, Игнат Семенович: я чужого не беру. А свое — никому воровать не дам.

— Ну смотри, сам напросился! — зло выплюнул охранник и резко обернулся к грузчикам. — Вася, Коля, придержите-ка товарища директора, пока я машину заведу! А потом скажем, что сам в темноте об трубы споткнулся!

Двое здоровенных мужиков в ватниках переглянулись и двинулись на меня с явным намерением сбить с ног.

Но они не учли одного: прежний Андрей Ковалев в студенчестве серьезно занимался боксом, а моя собственная привычка держать себя в форме в двадцать первом веке мгновенно включила мышечную память.

Когда первый грузчик потянулся ко мне загребущими ручищами, я коротко шагнул влево, проваливая его вперед, и жестко пробил снизу в солнечное сплетение. Мужик глухо охнул, сложился пополам и рухнул на асфальт, хватая ртом воздух.

Второй замер на секунду, но тут же замахнулся для удара. Я ушел нырком, перехватил его руку на болевой и резким рывком бросил через бедро прямо на подельника.

Дронов, уже занесший ногу на подножку кабины, застыл как вкопанный.

И в эту же секунду тишину ночного завода разорвал резкий, надрывный вой милицейской сирены, а из-за угла корпуса вырвались яркие лучи фар двух желтых «Жигулей» с синими полосами. Машины на скорости влетели во двор и наглухо перегородили выезд грузовику.

Я достал из кармана пиджака связку ключей и спокойно посмотрел на побелевшего начальника охраны:— Зря вы, Игнат Семенович, так суетились. Я еще в девять вечера в городской отдел ОБХСС позвонил. Капитан Соколов лично просил не спугнуть вас до погрузки.

Из милицейских машин уже выскакивали оперативники и люди в штатском. Дронов медленно опустился на подножку грузовика и закрыл лицо руками.

А я смотрел на суету у склада и понимал: завтра утром на заводе — да и во всем городе — начнется настоящий землетрясение. Ведь ниточка от этого грузовика тянулась прямиком в кабинет моего собственного заместителя по снабжению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.